

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Мамонова Ю.О. Иностранные военные журналисты в Маньчжурии в 1904-1905 гг.: особенности повседневной деятельности // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 3. DOI: 10.7256/2454-0609.2024.3.70660 EDN: UDSKAB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70660

Иностранные военные журналисты в Маньчжурии в 1904-1905 гг.: особенности повседневной деятельности

Мамонова Юлия Олеговна

ORCID: 0000-0003-1283-5729

независимый исследователь,

630008, Россия, г. Новосибирск, ул. Белинского, 6

✉ iulia.mamonova@gmail.com



[Статья из рубрики "Проблемы войны и мира"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2024.3.70660

EDN:

UDSKAB

Дата направления статьи в редакцию:

05-05-2024

Дата публикации:

18-05-2024

Аннотация: Автором рассматриваются некоторые аспекты повседневной деятельности иностранных военных корреспондентов, сопровождавших Маньчжурскую армию в Русско-японской войне 1904-1905 гг. Статья основана на опубликованных журналистами текстах, материалах зарубежной периодической печати, документации военного и внешнеполитического ведомств. Внимание уделяется как бытовому своеобразием условий профессиональной деятельности аккредитованных журналистов в Маньчжурии, так и характеристикам социальной среды, оказавшим существенное влияние на процесс сбора информации на театре военных действий. Затрагиваются вопросы взаимодействия зарубежных корреспондентов с представителями русской армии, местным китайским населением и другими репортёрами, что тесным образом связано с их владением соответствующими иноязычными компетенциями. Анализируется динамика численности

иностранных военкоров на театре войны и её связь с ходом боевых действий. Применение историко-сравнительного метода позволило выявить общее и особенное в положении зарубежных репортёров и других гостей Маньчжурии. Выявленные в характеристиках повседневной деятельности различия между иностранными военными корреспондентами и представителями российской прессы, как правило, были связаны с наличием у иностранцев языкового барьера, а также с большей недоверчивостью к ним со стороны цензурных органов. В сравнении с положением военных атташе военкорами отмечалась полная самостоятельность журналистского корпуса в решении бытовых вопросов в Маньчжурии. В динамике численности иностранных репортёров на театре войны в ходе исследования было выделено несколько этапов. Выявлена и продемонстрирована корреляция темпов утверждений корреспондентов с событиями на фронте. Установлено, что кампания 1904 года, в особенности летние и осенние её события, удостоились наиболее пристального внимания иностранных журналистов. Впервые очерчивается круг вопросов, для изучения которых наследие иностранных военных корреспондентов может обладать наибольшей научно-познавательной ценностью.

Ключевые слова:

Русско-японская война, военные корреспонденты, военная журналистика, иностранные корреспонденты, Маньчжурия, военная цензура, русская армия, периодическая печать, европейская пресса, аккредитация журналистов

Одно из ключевых внешнеполитических событий начала XX века — столкновение интересов России и Японии в 1904–1905 гг. — вместе с войсками противоборствующих сторон привело в Маньчжурию большое количество гостей со всего мира из числа некомбатантов. Многие из них в различных формах и с разной степенью подробности фиксировали свои впечатления о происходящем на Дальнем Востоке. Среди них были и «профессиональные очевидцы» — военные корреспонденты, прибывшие с целью собрать материал для новостных агентств и редакций периодических изданий. Ценные журналистские наблюдения иностранцев можно обнаружить не только на страницах газет: возвратившись домой, авторы нередко публиковали подборки корреспонденций с театра войны. Вся совокупность оставленного ими творческого наследия не становилась самостоятельным объектом изучения, но отдельным журналистским текстам и их авторам в последние два десятилетия всё же стали посвящаться исследовательские работы [1–7]. Наибольшего внимания удостоились британские репортёры, при этом значительная часть свидетельств военкоров осталась за бортом исторических изысканий.

Обогащённый вследствие антропологического поворота исследовательский инструментарий позволяет взглянуть на научно-познавательную ценность свидетельств иностранных военных корреспондентов под другим углом, открывая новые пути для привлечения данных текстов в качестве основы источниковой базы или дополнения к ней.

Корреспонденции освещавших Русско-японскую войну журналистов затрагивают большой спектр тем и могут выступить как самостоятельным объектом исследования, так и важным источником для изучения событий войны, состояния её участников, отношения к ней общественности в России и в мире, а также обогатить источниковую базу историко-имагологических исследований. Обращение к текстам корреспондентов способно внести вклад в изучение истории цензуры, мировой прессы, и знакомство с условиями

профессиональной деятельности авторов может обладать в данной плоскости первостепенным значением. Война 1904–1905 гг. разгорелась в период, справедливо названный в исследовательской литературе расцветом военной журналистики [\[8\]](#). Сенсационные репортажи повсеместно переносили кровопролитные сражения с театра военных действий прямоком в гостиные читателей [\[9\]](#), а наличие военного корреспондента на месте событий стало для любой газеты делом престижа [\[10, Р. 23\]](#). Изучение обстоятельств создания записей корреспондентов выполняет множество функций, в том числе позволяет оценить информационную ёмкость в отношении каждого из анализируемых исследователями вопросов.

На страницах своих книг представители европейской прессы охотно делились впечатлениями о непростых условиях повседневной деятельности репортёра в Маньчжурии. Зачастую встреченные трудности побуждали авторов сравнивать своё положение с созданными для других гостей театра войны условиями. В частности, в рассуждениях о проблемах взаимодействия с цензурой взор иностранных журналистов мог направиться на представителей российской периодики. Некоторые иностранцы признавали, что соревноваться с ними в профессиональном плане вряд ли представлялось возможным: действия российских журналистов были в меньшей степени стеснены и чаще поощрялись властями, в результате чего новостные тексты отправлялись ими быстрее и в больших объёмах [\[11, S. 356\]](#). В корпусе представителей прессы иностранцы действительно занимали особое положение, так как к соотечественникам в войсках относились с меньшим подозрением, и сотрудники цензурного отделения располагали большей вариативностью форм контроля над их корреспонденциями.

В некоторых случаях имелась возможность повлиять на публикацию тех или иных сведений даже после процедуры цензурирования в случае допущения цензорами каких-либо ошибок. В частности, в апреле 1904 г. заведующий цензурным отделением при штабе Главнокомандующего Е. Ф. Пестич в телеграмме издателю газеты «Новое время» А. С. Суворину указывал на нежелательность печатания некоторых пропущенных «по недоразумению» телеграмм военкора И. А. Ладыженского [\[12\]](#). С телеграммами же зарубежных гостей у цензоров не было права на ошибку, контроль их деятельности с самого начала признавался военными властями особенно затруднительным [\[13, С. 30\]](#). Он требовал тщательного надзора, многочисленных превентивных мер и большей компетенции со стороны работающих с военкорами лиц, что в совокупности с чужеродностью среды, требовавшей от зарубежных репортёров выдающегося адаптационного потенциала и изобретательности, осложняло условия их труда и действительно могло несколько отличать положение иностранцев от условий деятельности представителей российской периодики. Тем не менее, некоторые иностранные журналисты обретали среди последних друзей и разделяли с ними тяготы военного быта. Иллюстрацией этому могут послужить приятельские отношения ирландца Ф. Маккалага из «New York Herald» и А. М. Рыкачёва, корреспондента газеты «Наша жизнь» [\[14, Р. 229-230\]](#).

Опубликованные журналистами материалы демонстрируют, что им не было чуждо чувство единения благодаря общим проблемам, и время от времени действовали они совместно. На страницах книг встречаются упоминания о коллективных поисках наилучшего решения возникших бытовых проблем и совместных передвижениях по позициям, некоторые случаи взаимовыручки. Однако характер взаимоотношений в среде иностранных военных корреспондентов мог иметь и другой оттенок — в

профессиональном сообществе встречались случаи конкуренции. Объединялись военкоры чаще со своими соотечественниками, в особенности это характерно для представителей английской и американской прессы. Данная тенденция даёт некоторые основания для условного деления корпуса иностранных репортёров на два лагеря: один из них составляли англичане и американцы, другой — подданные остальных государств. И если первые могли и вовсе не уделять внимание в своих свидетельствах коллегам из других стран и их методам работы, то сотрудники прочих европейских изданий эпизодически высказывались о профессионализме британских и американских журналистов, и зачастую довольно критично.

Так, репортёр германской «Berliner Tageblatt» Р. Гедке упоминал о «высосанных из пальца» сообщениях английских военкоров [\[11, S. 207\]](#). Француз Р. Рэкули из «Le Temps» считал, что факт его несанкционированной поездки с несколькими коллегами по армейским позициям мог бы стать известным цензурному отделению именно благодаря жалобам англичан и американцев по причине профессионального соперничества [\[15, P. 105\]](#). Представитель венгерского немецкоязычного издания «Pester Lloyd» А. Спаич обращал внимание на слова одного из своих собеседников об их большом заработке, заслуженном одним лишь фактом пребывания в Маньчжурии. Кроме того, отмечалось нежелание англичан и американцев покидать театр военных действий добровольно: из-за сохранения финансирования от редакций перспектива быть выдворенными выглядела для них куда более привлекательной [\[16, S. 165\]](#). Судя по всему, включённые в профессиональную конкуренцию репортёры также не упускали возможности подчеркнуть добросовестность коллег-соотечественников. Так, шотландец Д. Стори, журналист «Daily Express», внёс в канву своего повествования полученную от главного цензора в Маньчжурии похвалу в отношении представителей английской прессы, на тот момент ещё ни разу не нарушивших инструкции цензурного отдела: «один только британский корреспондент, кажется, ставит свою личную честь выше своих профессиональных интересов» [\[17, P. 176-177\]](#). Бывали и исключения: непростые обстоятельства, расстояние и изоляция были способны сгладить возникавшие на национальной почве обиды [\[10, P. 28\]](#), а конкуренция могла вспыхнуть и между соотечественниками. Например, полковник Ф. Е. Огородников сообщал о жалобе репортёра американской «Collier's Weekly» Дж. Ф. Арчибальда на его соотечественников, журналистов Ф. Маккормика и А. Г. Симпсона [\[18, л. 579\]](#). Тем не менее корреспонденты пытались по возможности действовать обособленно, используя «особые и сверхсекретные методы» [\[19, S. 42\]](#), пытаясь получить доступ к неизвестным другим сведениям и постепенно обрасти сетью связей, полезных с точки зрения получения такой информации.

Что касается взаимодействия авторов с представителями вооружённых сил, то материалы свидетельств иностранцев изобилуют примерами весьма благожелательного к ним отношения и множество адресованных российским военным служащим слов благодарности. К примеру, лорд Брук из «Reuter's Telegram Co.» посвятил своё собрание материалов солдатам и офицерам русской армии «в память об их доброте и гостеприимстве». Англичанин М. Бэринг, журналист «Morning Post», также назвал гостеприимство распространённым в России вне зависимости от социального положения и прочих характеристик качеством [\[20, P. 67-68\]](#), с удовольствием вспоминая случаи проявления к себе заботы со стороны военнослужащих. Притом неимение у них самого необходимого не являлось этому помехой: невзирая на трудности, с военкорами повсеместно делились провиантом. К схожему выводу пришёл и ирландец Ф. Маккалаг, ставший свидетелем подобных ситуаций, происходивших, к его удивлению, в любое

время суток [\[14, P. 114-115\]](#).

Разумеется, не все были рады иностранным гостям: делопроизводственные материалы хранят не только опасения (зачастую небезосновательные) со стороны работавших с ними цензоров, но и со стороны командного состава. Так, начальник Восточного отряда Ф. Э. Келлер находил значительное число журналистов весьма стеснительным для своего подразделения [\[18, Л. 349\]](#). В опубликованных текстах иностранцев немногочисленные эпизоды с проявленным к ним недоверием также встречаются. В некоторых случаях виной тому было предубеждение — тот же М. Бэринг отмечал наличие сковывающего эффекта и первоочередную негативную реакцию собеседников от признания в своей национальной принадлежности и в том, корреспондентом какой газеты он являлся («Morning Post», по его мнению, считалась наиболее русофобской [\[20, P. 68\]](#)). В других — конкретные инциденты. Например, О. фон Шварц, сославшись на рассказ одного из офицеров, писал о том, как английские репортёры помешали Восточному отряду Ф. Э. Келлера, а именно планировавшемуся в ходе боёв неожиданному нанесению удара во фланг японцам. Враг не должен был обнаружить батальон и батарею за холмом, но «внезапно, Бог знает откуда», на возвышенности появилось два английских корреспондента с огромными пробковыми шлемами и в белых тропических костюмах, оказав таким образом услугу японцам в обнаружении русских войск [\[19, S. 61\]](#). Случались и явные конфликтные ситуации. С такими столкнулись француз Л. Нодо из «Le Journal», которого русские солдаты приняли за шпиона [\[21, С. 271-274\]](#), и Р. Ульрих из немецкой «Kölnische Zeitung», имевший дело с обозлившимися на немецкую речь военнослужащими [\[22, S. 197\]](#). Однако острые углы часто сглаживались, и отчасти это происходило не только благодаря совместно пережитым на фронте трудностям, но и по причине консолидирующего европейцев эффекта «войны с другими». По отношению к иностранцам в войсках зачастую проявлялась словоохотливость, любопытство в тылу (отвечавший за приём иностранных военных агентов в Маньчжурии генштабист А. А. Игнатьев отмечал даже бестактность любопытства к иностранцам в тылу [\[23\]](#)) и приветливость на передовой. Лорд Брук, к примеру, отмечал, что офицеры тепло приветствовали военкоров, были рады их видеть и не упускали возможности продемонстрировать технические возможности вооружения, обсудить те или иные новости [\[24, P. 57\]](#).

Именно в военной среде иностранные военные корреспонденты находили основные источники информации о положении дел на фронте, черпали сведения об эмоциональном состоянии военнослужащих, пристально изучали их взгляды на происходящее. Репортёры всячески старались расширять круг интервьюируемых: среди них оказывались как высокопоставленные лица (Д. Стори, в частности, сумел побеседовать с Наместником на Дальнем Востоке Е. И. Алексеевым [\[17, P. 286-288\]](#)), до рядовых — для знающих русский язык корреспондентов. В числе последних был и проявлявший чрезвычайный интерес к «простым людям» М. Бэринг. Лорд Брук с восхищением наблюдал за применением им на практике превосходных знаний русского языка, сделавших репортёра «Morning Post» главным переводчиком для своих британских товарищей [\[24, P. 2\]](#). Владение русским языком было важным конкурентным преимуществом. Так, корреспондент немецкой «Tägliche Rundschau» М. Т. Берманн подчёркивал исключительность своего профессионального опыта, базировавшегося на отличном знании России, её народа и языка, отметив, что всё это позволило «услышать немало из того, что не было услышано большинством иностранцев» [\[25, S. 3-4\]](#). О. фон

Шварц, тоже владевший русским языком и подписывавший по-русски все необходимые документы, также отмечал необходимость языковых знаний (наравне с военными) для правильной оценки обстановки военкорами, попутно указав на то, что часть журналистов их не имела [\[19, S. 302\]](#). Действительно, незнание иностранных языков, по словам исследователя М. Мартена, являлось в это время одной из ведущих для французских корреспондентов характеристик [\[10, P. 28\]](#), а потому офицеры, владевшие европейскими языками, значительно лидировали в количественном отношении среди интервьюированных военкорами лиц. Число умевших изъясняться по-русски, судя по всему, было невелико: помимо вышеупомянутых репортёров, согласно записям журналистов и некоторым документам цензурного отделения, русским языком владели также Ф. Маккормик, Р. Ульрих, Ф. Маккалаг. Знания китайского языка оказались ещё менее распространёнными среди военных журналистов, и многие военкоры рисковали составить впечатление об увиденном исключительно на основе общения с наиболее образованной частью общества. Однако на помощь им мог прийти личный опыт других иностранцев, посредничество и прочие источники информации.

Описание трудностей в быту на страницах книг зарубежных военкоров зачастую дополнялось сравнением с бытовыми условиями других представителей иностранного контингента в Маньчжурии, которых было немало: помимо журналистов и ряда гражданских лиц, относившихся преимущественно к медицинскому персоналу, на театре военных действий присутствовали военные атташе, и материалы журналистов демонстрируют их активное взаимодействие между собой. Некоторые репортёры особенно акцентировали внимание читателя на полной самостоятельности журналистов в решении продовольственного и жилищного вопросов, что существенным образом отличало их положение в Маньчжурии от военных агентов [\[19, S. 302\]](#). Жить в гостиницах и китайских фанзах было возможным лишь в начале пути к фронту. Как правило, чаще иностранцы располагались на биваках в палатках и постоянно находились в поиске лучших для ночлега вариантов. Так, многие из них порой прибегали к помощи своих соотечественников, миссионеров, которых было нелегко найти: «пожалуй, высадиться на Луне было бы столь же просто, как найти ночлег в Ляояне» [\[15, P. 61\]](#). Оказавшиеся на театре войны иностранцы, как и прочие гости Маньчжурии, мирились с холодом, отсутствием всяческих удобств, теснотой, бесконечными «тучами жадной мошкеры» и крысами, необходимостью заботиться о собственной безопасности в случае возможных, в том числе хунхузских, покушений. И, конечно, репортёры помнили о многочисленных рисках, связанных непосредственно с боевыми действиями или санитарно-эпидемиологической обстановкой. Были зафиксированы многочисленные случаи заболеваний дизентерией, солнечные удары, лихорадки и заражения местными инфекциями в журналистской среде.

Война с Японией 1904–1905 гг. унесла жизни некоторых военных корреспондентов. Двое иностранцев не вернулись домой: капитан германского ландвера Карл Барон Биндер фон Кригльштайн из «Berliner Lokal Anzeiger» и подданный Великобритании, сотрудник «Associated Press Agency», Г. Миддлтон [\[13, Приложение № 36\]](#). Последний скончался летом 1904 г. от дизентерии в Ляндзяне, и связанные с этим фактом эпизоды нашли отражение в свидетельствах его британских коллег Д. Стори [\[17, P. 136-140\]](#) и лорда Брука [\[24, P. 44-47\]](#). Однако лишь документальные материалы позволяют пролить свет на обилие связанных с этим событием трудностей. Прошение о разрешении сопровождать тело погибшего в качестве душеприказчика подал американец, сотрудник того же агентства Ф. Маккормик [\[18, Л. 347\]](#), имевший благодаря множеству связанных с его именем

скандалов и нарушений порядка сомнительную в армейских кругах репутацию [\[13, Приложение №76\]](#). Власти всерьёз опасались возможных провокаций при вывозе тела. К примеру, и. д. начальника походной дипломатической канцелярии наместника на Дальнем Востоке Г. А. Плансоном указывалось на необходимость «наблюдать, чтобы этим случаем не воспользовались иностранцы для посторонних целей» [\[18, л. 285-285 об.\]](#).

Так что же видели иностранные военные корреспонденты и какие события войны застали? Здесь на помощь текстам репортёров для возведения каркаса и формирования поверхностного представления о том круговороте, в который были вовлечены их авторы, приходит делопроизводственная документация военного ведомства. В частности, важной её составляющей стали списки иностранных военных корреспондентов в Маньчжурии, ведшиеся при Штабе главнокомандующего. Документы содержат имена репортёров, даты их прибытия или утверждения, время прекращения деятельности. В некоторых из версий возможно обнаружить и другие данные — например, сведения о количестве лошадей и сопровождавшей репортёров прислуги [\[18, л. 265-266 об.\]](#). Правда, точное количество корреспондировавших поддавалось учёту с трудом: некоторые из них пользовались исключительно почтой, а потому не нуждались в звании военного корреспондента, оставаясь цензуре неизвестными. Другие же могли иметь временное разрешение корреспондировать ввиду отсутствия полного комплекта документов, а затем выбывали с театра войны, так и не получив столь желанный ими ранее статус [\[13, с. 31\]](#). Следует помнить о том, что преобразования системы цензурных органов также тянули за собой множество делопроизводственных проблем и ошибок в документах. В списках можно не обнаружить некоторых дат прибытия и выбытия журналистов, и фигурирующие в различных источниках сведения нередко противоречат друг другу.

К иллюстрации последнего можно отнести неясность с очерёдностью допуска военкоров к линии фронта. Шотландец Д. Стори утверждал, что именно он был первым аккредитованным иностранным корреспондентом в Маньчжурии, а с учётом представителей российской прессы — четвёртым. В своей книге, вышедшей в конце 1904 года, он опубликовал письмо заведующего цензурным отделением Е. Ф. Пестича с констатацией данного факта [\[17, с. 63\]](#). Однако все стадии утверждения цензурой он проходил не один — его постоянным спутником был упомянутый выше Г. Миддлтон [\[26, л. 12, 14\]](#). Коллеги действовали в начале своего пути сообща и были аккредитованы одновременно. Кроме того, в списках цензурного отделения значатся имена репортёров, опередивших Д. Стори. Первым иностранцем в них числится П. Жиффар, корреспондент французской «Le Matin». Уже 8 марта 1904 года он прибыл в Харбин, а спустя 2 дня был аккредитован [\[27, л. 72\]](#). Вплоть до апрельского наплыва представителей прессы, согласно документам, репортёр оставался единственным официально утверждённым зарубежным журналистом на театре военных действий. Уже в июле 1904 г., будучи уверенным в грядущей победе России, он вернулся домой [\[28\]](#). Неизвестно, были ли подобные расхождения следствием каких-либо делопроизводственных ошибок или же свидетельствами содействия цензоров некоторым своим подопечным. Однако всё же необходимо принять во внимание особое положение Д. Стори: согласно данным ему Г. А. Плансоном характеристикам, он снискал симпатии всех, кому приходилось иметь с ним дело [\[26, л. 24\]](#). Журналист стремился продемонстрировать соотечественникам невыгодность враждебного отношения к России, возникшего, как он считал, по вине английских публицистов, желал указать общественности «на хорошие стороны России» и общие интересы двух стран. Покидая Маньчжурию, писатель заявлял о своём намерении издать книгу под названием «Первый фазис войны», в чём он, возможно, мог найти

поощрение и поддержку, планировал заехать в Петербург и явиться в МИД [\[26, л. 25\]](#). Так, сопоставление текстов военкоров с другими источниками может предоставить множество сюжетов для дальнейшего изучения.

В динамике численности присутствовавших в Маньчжурии иностранных журналистов возможно выделить несколько этапов. Первый из них охватывает временной промежуток с первых дней войны до апреля 1904 г. Отсутствие аккредитованных иностранцев (в списках цензурного отделения, как уже говорилось выше, значился лишь один француз), недостаточность документальной базы, неясность порядка аккредитации и цензурирования дают основания считать эту фазу скорее подготовкой к предстоящему приёму иностранных гостей. Запросы на утверждение в качестве военных корреспондентов при армии поступали с первых дней боевых действий: уже 29 января этот вопрос поднимался Главным штабом в отношении нескольких иностранцев и одного представителя российской прессы [\[13, с. 30\]](#). Здесь важно помнить о том, что время прибытия военкора не всегда коррелировало с его утверждением. К примеру, аккредитованный в апреле 1904 г. американец из «Associated Press» и «The Reuter's Telegram Company» Ф. Маккормик в письме цензору писал, что возбудил вопрос о корреспондировании первым, но утверждён был последним из «первопроходцев»: «Я вовсе не жалею, но хочу отметить этот факт <...> это ставит меня в неловкое положение, которое я должен немедленно разъяснить по телеграфу в Лондон» [\[13, 79\]](#). Другой пример — французский подданный Л. Нодо, который незадолго до начала военных событий уже успел отправить телеграмму из Маньчжурии [\[29\]](#). Несмотря на то, что в это время по случайному стечению обстоятельств он оказался в Порт-Артуре, официально к армии француз присоединился значительно позже — спустя несколько месяцев [\[13, с. 35\]](#). Следовательно, следует помнить о том, что численность аккредитованных военкоров на театре военных действий является не только мерилom интереса мировой общественности к событиям на Дальнем Востоке. Прежде всего, эти данные служат показателем готовности военных властей с этим интересом считаться и вступать в борьбу за влияние на общественное мнение, пустив журналистов к войскам и наделив их правом корреспондировать.

С середины апреля до середины июля 1904 г. наблюдался всплеск аккредитаций, что позволяет провести нижнюю границу следующего этапа — этапа неуклонного роста численности представителей прессы, активного взаимодействия военных властей с репортёрами, подвижек в регулировании деятельности последних путём проб и ошибок. Однако этот рубеж преодолевался с трудом: прибывшие журналисты не могли пробраться к фронту в связи со сосредоточением сил и подготовкой театра войны. Даже с выдачей соответствующих пропусков, прибытием военкоров и их покорным ожиданием от военных властей дальнейших решений, дискуссии о целесообразности их присутствия всё ещё не утихали. Так, весной первого года войны стало известно, что командующий армией А. Н. Куропаткин уже и вовсе не желал присутствия иностранных корреспондентов в районе боевых действий, в связи с чем они вынуждены были оставаться в Мукдене [\[18, л. 527-527 об\]](#). В результате майских обсуждений А. Н. Куропаткин всё же согласился с необходимостью их пребывания, но поставил совершенно невыполнимое для многих условие — корреспондировать лишь на немецком или французском языках ввиду отсутствия в армии лиц, владевших английским на достаточном уровне. Иностранцев уведомили об этом уже непосредственно перед их отправлением в Ляоян, что вызвало бурную реакцию. Однако позднее в переписке между начальниками штабов Маньчжурской армии и Наместника на Дальнем Востоке выяснилось, что данное распоряжение стало следствием недопонимания и на самом

деле силы не имело [\[18, л. 541\]](#). Среди цензоров всё же были знатоки английского языка. Кроме того, подобные действия в политическом отношении признавались нежелательными.

Корреспонденции иностранцев указывают, что на условиях журналисткой деятельности иностранцев Маньчжурии подобные недоразумения сказывались в виде проволочек на всех стадиях рабочего процесса, особенно часто они встречались в первое время после аккредитации. В частности, результатом вышеуказанного инцидента был запоздалый допуск к передовым частям англичан и американцев, в то время как военкоры остальных стран уже могли приступить к выполнению своих профессиональных обязанностей. Составители отчёта о применении цензуры отмечали, что двойственность в управлении, сохранявшая до октября 1904 года, вероятно, служила основным источником подобных ситуаций — на свободе доступа корреспондентов к фронту сказывались столкновения Командующего Армии и Штаба Наместника из-за желания каждой стороны контролировать утверждение и направление военкоров в войска самостоятельно [\[13, с. 36\]](#). В июле 1904 г. в корреспондентском корпусе в Маньчжурии наблюдалось наибольшее количество аккредитованных иностранцев — 20 человек, т. е. более половины от их общей численности за весь период войны. Количество кратковременно находившихся в Маньчжурии представителей прессы (прибывших и оставивших русскую армию в течение одного месяца) в июле также было особенно высоко.

За июльским пиком последовал постепенный отток иностранных журналистов. Эта тенденция сохранялась до конца февраля 1905 г. Снижение численности журналистов при войсках происходило неравномерно — вплоть до осени доля контингента оставалась значительной, с ноября же темпы покидающих Маньчжурию несколько ускорились. Отчасти это объяснялось политикой редакций — некоторые из них отзывали своих сотрудников, уже не рассчитывая на серьёзные военные действия зимой и сомневаясь в том, что получаемые от корреспондентов сведения окупят траты на их присутствие на Дальнем Востоке. К тому же, согласно свидетельствам некоторых репортёров, даже в изменившихся условиях попасть в их ряды всё ещё было не так просто. Например, прибывший на театр военных действий в конце января 1905 года австро-венгерский подданный А. Спаич зафиксировал следующее признание заведующего цензурного отделения: «с давних пор другим корреспондентам с подобными просьбами проникнуть на театр военных действий мы отказываем» [\[16, с. 161\]](#). С другой стороны, и журналисты в это время зачастую сами изъявляли желание отправиться домой по причине усталости и связанными с предстоящей суровой зимой страхами [\[27, л. 285\]](#). Данный период видится наиболее протяжённым: верхней его границей выступило Мукденское сражение, обеднившее состав репортёров в войсках за счёт оставшихся в занятом японцами Мукдене журналистов. В японском плену оказалось четыре иностранных военных корреспондента: француз Л. Нодо, американец Р. Литтл, ирландец Ф. Маккалаг и немец фон Кригльштайн [\[14, р. 371\]](#). Отправление изданиями на фронт журналистов на замену тем, кто по каким-либо причинам с него выбыл, было на данном этапе уже редким явлением. С февральских событий 1905 г. до конца войны численность военных корреспондентов не претерпевала существенных изменений, в 4 раза уступая июльскому показателю. Опасения редакций отчасти оправдались: на театре военных действий действительно наблюдалось затишье, не способствовавшее росту интереса мировой общественности к войне. Соответственно, всё это привело к снижению корреспондентской активности.

Итак, согласно рассмотренной динамике численности иностранных военных

корреспондентов, их свидетельства могут быть наиболее информативными в отношении эпизодов, связанных с боями на Янзелинском перевале, при Ташичао, Симучене, Ляояне; незначительно отстают сражения у Вафангоу и Шахэйское. Наименьшее количество иностранных военных корреспондентов оказалось в Маньчжурии в дни Тюренченского боя и событий кампании 1905 года. Не все корреспонденты, находившиеся в данные промежутки времени на театре войны, стали свидетелями тех или иных сражений, однако во многих случаях указанное обстоятельство не являлось помехой для создания целых глав и отдельных параграфов с описанием боевых действий различной степени подробности. Для их составления привлекались официальные сообщения, материалы интервью непосредственных участников событий, очевидцев, хорошо осведомлённых о происходящем военных атташе, хотя источники сведений указывались корреспондентами не всегда. Личные наблюдения репортёров, оказавшихся в удалённых от эпицентра событий боевых подразделениях, также полезны для понимания положения в них. В качестве примера можно привести записки репортёра А. Спаича, находившегося на театре военных действий в период Мукденского сражения, но не ставшего свидетелем активных боевых действий в завершающие его дни. Весть об отступлении застала отряд, к которому присоединился автор, вдали от мест решающих боёв: «казацки сотни, пожалуй, не могли знать здесь, в горах, о том, что <...> собственный центр уже был оттеснён...» [\[16, S. 289\]](#). Незнание положения дел у других спешно отступающих армий, а также успешно выполненные казацкими отрядами задачи вызывали их недовольство приказом об отступлении и непонимание причин данного решения. Отставной полковник германского генштаба Р. Гедке на страницах своих воспоминаний рассуждал о том, насколько незначительным может быть опыт, полученный очевидцем-одиночкой, ведь он являлся свидетелем лишь отдельных фрагментов битв [\[11, S. 297-298\]](#). К подобным мыслям его подтолкнуло приподнятое настроение возвращавшихся во время Шахэйского сражения военнослужащих, внушившее автору уверенность в безусловном успехе русской армии, что оказалось ошибочным предположением. Подобного рода рассуждения встречаются и у Л. Нодо: «сражения ясны только издали, а в непосредственной живой близости они темны, туманны, хаотичны, в особенности же необъятны, как океан» [\[21, С. 317\]](#). Репортёры сталкивались с невозможностью сделать выводы даже относительно небольшого увиденного ими фрагмента. Тот же Л. Нодо писал о Янтайской битве, признаваясь в том, что «ничего не понял, абсолютно ничего», хотя был в совсем в передовых местах [\[21, С. 251\]](#). Всё это вновь указывает на необходимость опоры на целый комплекс источников в противовес погружению лишь в некоторые из них.

Таким образом, условия профессиональной деятельности иностранных военных корреспондентов на театре военных действий в силу социального и обыденно-бытового своеобразия требовали от представителей прессы выдающегося упорства и изобретательности, психологической устойчивости, бесстрашия, готовности к многочисленным ежедневным рискам. Далеко не во всех случаях репортёры становились свидетелями ключевых событий на театре войны. Сопоставление хода боевых действий и темпов вовлечения корреспондентов в информационное противостояние позволяет обнаружить некоторую корреляцию, основанную на сплаве нескольких компонентов: открытости военных властей для представителей прессы, воплощённой в указаниях цензорам и действиях последних; подпитки для притока военкоров — международного интереса к событиям войны, сказавшихся на пожеланиях редакций. Кроме того, следует принимать во внимание и личную волю журналистов, которые могли как беспрекословно следовать указаниям начальства, согласовывать с ним свои шаги, так и в отдельных случаях вовсе действовать самостоятельно. Кампания 1904 года, в особенности летние и

осенние её события, удостоились наиболее пристального внимания иностранных журналистов, что представляется полезным учитывать при подборе источников по принципу приоритетности для каждого вопроса, интересующего исследователя.

Библиография

1. Towle P. British war correspondents and the war // Kowner R. Rethinking the Russo-Japanese War: 1904-5. Folkestone: Global Oriental, 2007. Vol. 1. Pp. 320-331.
2. Nordlund A. M. A War of Others: British War Correspondents, Orientalist Discourse, and the Russo-Japanese War, 1904-1905 // War in History. 2015. Vol. 22, No. 1. Pp. 28-46.
3. Horgan J. 'The great war correspondent': Francis McCullagh, 1874-1956. Irish Historical Studies, Vol. 36, No. 144 (November 2009), pp. 542-563.
4. Зашихин А. Н. "...Армия была хорошей, а система-плохой". Русская армия в Маньчжурии глазами английского военного корреспондента Мориса Бэринга // История в подробностях. 2014. № 2 (44). С. 70-77.
5. Королева С. Б. В поисках настоящей России (сложный выбор Мориса Бэринга) // Имагология и компаративистика. 2016. № 2 (6). С. 68-90.
6. Грищенко Н. А. М. Бэринг о России // Современные исследования социальных проблем, 2017. № 3. С. 268-276.
7. Володько А. В. «Непостижимая связь между нами»: Морис Бэринг и Россия // Диалог со временем. 2018. Вып. 64. С. 165-178.
8. Knightley, Ph. The First Casualty: The War Correspondent as Hero and Myth-Maker from the Crimea to Kosovo. 2nd ed. Baltimore; London, 2000. P. 43.
9. Hildebrand, Klaus: „Eine neue Ära der Weltgeschichte“. Der historische Ort des Russisch-Japanischen Krieges 1904/05, in: Der Russisch-Japanische Krieg (1904/05) / Hrsg. von Josef Kreiner. Göttingen: V&R unipress, 2005. S. 45.
10. Martin M. Les grands reporters français durant la guerre russo-japonaise // Le Temps des médias. 2005. № 4. Pp. 22-33.
11. Gädke R. Kriegsbriefe aus der Mandschurei. Berlin und Leipzig, 1905.
12. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 459. Оп. 2. Д. 568. Л. 1.
13. Война 1904-1905 г. Отчет о применении цензуры на театре войны / Сост.цензурным отделением Штаба главнокомандующего под редакцией генерал-квартирмейстера. Харбин, 1905.
14. Maccullagh F. With the Cossacks. London, 1906.
15. Recouly R. Dix mois de guerre en Mandchourie: impressions d'un témoin. Paris, 1905.
16. Spaits, A. Mit Kosaken durch die Mandschurei: Erlebnisse im russisch-japanischen Kriege. Vienna, 1906.
17. Story D. The Campaign with Kuropatkin, London, 1904.
18. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 846. Оп. 16. Д. 29293.
19. Schwartz, O. von. Zehn Monate Kriegskorrespondent beim Heere Kuropatkins. Persönliche Erlebnisse und kritische Betrachtungen aus dem russisch-japanischen Kriege. Berlin, 1906.
20. Baring, M. With the Russians in Manchuria. London, 1905.
21. Нодо Л. Письма о войне с Японией. Санкт-Петербург, 1906.
22. Ullrich R. Die Feuerprobe der Russischen Armee. Tagebuchblätter aus dem Hauptquartiere des 17. Armeekorps niedergeschrieben im Kriege 1904/1905. Berlin, 1910.
23. Игнатъев А. А. На фронте. 50 лет в строю. М., 2013.
24. Brooke, L. G. F. M. G. Earl. An Eye-witness in Manchuria. London, 1905.
25. Behrmann M. Th. S. Hinter den Kulissen des mandschurischen Kriegstheaters. Lose

Blätter aus dem Tagebuche eines Kriegskorrespondenten, Berlin, 1905.

26. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 150 (Японский стол). Оп. 493. Д. 476.

27. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 10566.

28. Giffard P. Roubles et Roublards: Voyage aux pays russes. Paris, 1904. P. 298.

29. Le Journal, 24 janvier 1904.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

О том насколько сегодня велика роль средств массовой информации говорят различные специалисты - философы, социологи, политологи, экономисты. Однако резкий рост влияние СМИ относится еще к конце XIX - началу XX века, когда "газетные короли" усилиями репортеров доносили различные сообщения из горячих точек: это относится и к тем локальным конфликтам, которые предшествовали Первой мировой войне. Одним из таких конфликтов была русско-японская война, которая проходила как в раз вл время расцвета газетного дела. Примечательно, что похождения французского репортера в Маньчжурии описал в беллетризированной форме Луи Буссенар.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой являются военные журналисты в Маньчжурии в 1904-1905 гг. Автор ставит своими задачами рассмотреть роль репортеров в описании событий в Маньчжурии, определить отношение к ним со стороны военных командиров, а также показать условия профессиональной деятельности.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор отмечает, что совокупность оставленного журналистами в Маньчжурии "творческого наследия не становилась самостоятельным объектом изучения". Научная новизна статьи заключается также в привлечении архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 29 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной литературы, в том числе на английском, французском и немецком языках. Источниковая база статьи представлена прежде всего опубликованными работами иностранных корреспондентов в Маньчжурии, цензурными отчетами, а также документами из фондов Архива внешней политики Российской империи, Российского государственного военно-исторического архива, Российского государственного архива литературы и искусства. Из используемых автором исследований укажем на труды В.А. Володько, Н.А. Грищенко, С.Б. Королевой, в центре внимания которые находятся различные аспекты изучения биографий военных корреспондентов. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по её теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто

интересуется как работой журналистов на фронте, в целом, так и в рамках русско-японской войны, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что "численность аккредитованных военкоров на театре военных действий является не только мерилем интереса мировой общественности к событиям на Дальнем Востоке", скорее "эти данные служат показателем готовности военных властей с этим интересом считаться и вступать в борьбу за влияние на общественное мнение, пустив журналистов к войскам и наделив их правом корреспондировать". В работе показано, что журналисты использовали не только личные наблюдения, но и "официальные сообщения, материалы интервью непосредственных участников событий, очевидцев, хорошо осведомлённых о происходящем военных атташе, хотя источники сведений указывались корреспондентами не всегда".

Главным выводом статьи является то, что

"условия профессиональной деятельности иностранных военных корреспондентов на театре военных действий в силу социального и обыденно-бытового своеобразия требовали от представителей прессы выдающегося упорства и изобретательности, психологической устойчивости, бесстрашия, готовности к многочисленным ежедневным рискам".

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале "Исторический журнал: научные исследования".